

ЧАСТНОПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВА И ЕГО МЕСТО В СИСТЕМЕ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2010 г. В.Г. Голубцов¹

Определяя особенности государства как субъекта гражданского права, необходимо выяснить вопрос о его правовой природе как частноправового субъекта и определить место в системе субъектов гражданско-правовых отношений в действующем российском законодательстве. Единства мнений по этому вопросу в юридической науке не наблюдается. Напротив, ученые высказывают самые разные гипотезы, в числе которых немало оригинальных и весьма спорных.

Одна из таких концепций сформулирована Д.В. Пятковым². Автор утверждает, что “в гражданских правоотношениях участвуют не Российская Федерация и субъекты Российской Федерации как публично-властные организации... субъектами гражданского права являются одноименные лица, обладающие гражданской правосубъектностью. Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования в гражданских правоотношениях – это не государство в гражданских правоотношениях”³.

Д.В. Пятков делает заключение, что, когда говорят о государстве как субъекте гражданского права, подразумевают двух субъектов права. Он же предлагает разграничивать государство и гражданскую правосубъектность, не признавая таковой за государством. По его мнению, Российской Федерацией, субъектами РФ, муниципальными образованиями в гражданском праве именуется не государство, не республики, края и области, не муниципалитеты, а отличные от них “одноименные” хозяйственные публичные (публично-хозяйственные) организации. В качестве таковых, по мнению автора, следует понимать юридических лиц, созданных населением

соответствующей территории (России в целом, республики, края, области, города, районы и т. п.) “с целью обеспечения благоприятных материальных, организационных и прочих условий для удовлетворения общественных интересов, достижения общепользовательных целей посредством участия в гражданских, иных имущественных и неимущественных правоотношениях”.

Решение проблемы участия публично-правовых образований в гражданских правоотношениях Д.В. Пятков ищет не в признании за государством статуса субъекта гражданского права, а в отделении гражданской правосубъектности от государства путем обоснования тезиса о существовании публично-властных организаций. В результате реализации такого подхода, полагает он, Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования как публично-властные организации будут участвовать только в отношениях, основанных на началах власти и подчинения, а “одноименные хозяйственно-публичные организации” – только в гражданских правоотношениях. Таким образом, якобы, возможно будет устранить противоречие между публично-правовой сущностью государства при его выступлении в гражданском обороте и необходимостью соблюдать основополагающий частноправовой принцип обеспечения равенства участников гражданских правоотношений⁴.

Более того, по мнению Д.В. Пяткова, создавать описанные им публично-властные организации и реформировать действующее законодательство не требуется, поскольку хозяйственные публичные организации уже существуют, а действующее гражданское законодательство вполне отражает его идеи о существовании публично-властных организаций, отличных от государства. Далее автор утверждает: “Лишь как недоразумение следует рассматривать содержание ст. 582 ГК РФ, согласно которой пожертвования могут делаться государству и другим субъектам гражд-

¹ Профессор кафедры гражданского права и процесса Пермского государственного университета, доктор юридических наук.

² См.: Пятков Д.В. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в гражданских правоотношениях: на примере разграничения публичной собственности. СПб., 2003.

³ Там же. С. 58–59.

⁴ См.: там же. С. 10–15, 56–63.

данского права... То же следует сказать о ст. 239, 240 ГК РФ, в соответствии с которыми государство может приобрести право выкупа недвижимости и культурных ценностей”, – и делает вывод: “Термин “государство”, который крайне редко встречается в Гражданском кодексе РФ, следует расценивать как техническую ошибку законодателя”⁵.

Рассматриваемая концепция неоднократно подвергалась обоснованной критике со стороны видных российских ученых. Так, академик О.Е. Кутафин отмечал, что “с правовой точки зрения, поддерживаемой Д.В. Пятковым, в нашей стране существуют, как минимум, две Российские Федерации, два Алтайских края, две Свердловские области и т. д. С этим трудно согласиться даже в интересах создания новой, самой прогрессивной теории участия государства в гражданских правоотношениях”⁶. С учетом отмеченного автор справедливо указывает: “Представляются абсурдными попытки Д.В. Пяткова доказать, что общие положения гражданского законодательства о лицах сегодня не позволяют вообще вести речь о государстве как о субъекте гражданского права”⁷. Критиковал такие взгляды Д.В. Пяткова и Ю.Н. Андреев, указывая, что предлагаемая им правовая конструкция организации, которая действовала бы в имущественном обороте с учетом публичных и частных интересов, “страдает аморфностью, неопределенностью, неясностью, и реализация такого предложения внесет еще большую путаницу в правоприменительную практику”⁸.

Действительно, рассуждения Д.В. Пяткова не соответствуют ни истории развития представлений о государстве как субъекте гражданско-правовых отношений, ни положениям действующего законодательства. Попытка этого автора решить проблему особенностей гражданско-правового статуса государства как частноправового субъекта путем обоснования вывода о существовании некой отличной от государства “хозяйственной публичной организации” не выдерживает критики хотя бы потому, что подобного рода организации по определению не могут владеть отличным от принадлежащего государству имуществом, не имеют своих собственных органов (кроме госу-

дарственных), не могут отвечать по своим обязательствам каким-либо имуществом, отличным от имущества, принадлежащего государству (неким “самостоятельным” бюджетом).

Указанные обстоятельства делают позицию Д.В. Пяткова не более чем декларацией, не основанной к тому же на положениях действующего законодательства. Неясно также, каким образом создаются такие публично-властные организации, что будет с ними происходить в случае, например, объединения субъектов РФ или, например, в случае дальнейшей реализации муниципальной реформы (должны ли они, например, в этом случае вновь учреждаться населением, что будет с ними происходить при объединении муниципальных образований и т. д.).

Между тем необходимо отметить, что Д.В. Пятков делает заслуживающее внимания заключение, что Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования представляют собой вид субъектов гражданского права наряду с гражданами и юридическими лицами (а не являются разновидностью юридических лиц), хотя на их деятельность и распространено действие норм о юридических лицах (п. 2 ст. 124 ГК РФ). Однако тут же отмечает, что это “не более чем прием законодательной техники, который в полной мере согласуется с тенденцией унификации правового регулирования имущественных отношений, что можно увидеть также на примере законодательного нормирования участия в гражданских правоотношениях граждан-предпринимателей”⁹, что представляется совершенно неверным.

Еще одна система взглядов на государство как субъект гражданско-правовых отношений изложена в трудах Ю.Н. Андреева¹⁰. Основная мысль ученого относительно статуса публично-правовых образований в гражданском праве представляется нам справедливой и заключается в том, что “публично-правовые образования не отказываются от своей власти и суверенитета. Такой отказ будет незаконным (нелегитимным) и противоречит принципам конституционного права. Просто в соответствии с положениями гражданского законодательства публично-правовые образования, будучи субъектами гражданского права и исполняя принцип равенства всех участников гражданско-правовых отношений (ст. 1 ГК РФ), не пользуются властными (административно-командными) полномочиями в отношении других участников имущественного оборота, не теряя

⁵ Там же. С. 59.

⁶ Кутафин О.Е. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права // Журнал рос. права. 2007. № 1. С. 53.

⁷ Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица. М., 2007. С. 73–74.

⁸ Андреев Ю.Н. Участие государства в гражданско-правовых отношениях. СПб., 2005. С. 74.

⁹ Пятков Д.В. Указ. соч. С. 57.

¹⁰ См.: Андреев Ю.Н. Указ. соч.

при этом существенных признаков субъекта публичного права и являясь одновременно носителем двух видов правосубъектности: конституционной и гражданско-правовой”¹¹.

Однако далее Ю.Н. Андреев утверждает, что “государство в целом (Российская Федерация), впрочем, как и субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, выступает как бы юридическим лицом... гражданское законодательство... лишь наделяет указанных субъектов гражданского права некоторыми признаками юридического лица”¹², – и называет государство “квазиюридическим лицом – публично-правовым образованием”¹³.

Анализ данной теории показывает, что собственного вывода о правовой природе публично-правового образования и о его месте в системе субъектов гражданского права автор не формулирует, присоединяясь к аналогичным суждениям, ранее высказанным в литературе¹⁴. Основное внимание Ю.Н. Андреев уделяет исследованию правового статуса государственных (муниципальных) органов при их участии в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, а также анализу правового положения юридического лица публичного права (учреждений, казенных предприятий, государственных корпораций), совершенно справедливо при этом не ставя в один ряд с исследуемыми им юридическими лицами собственно публично-правовые образования (Российскую Федерацию, субъектов РФ, муниципальные образования).

Основополагающий вывод Ю.Н. Андреева о том, что публично-правовые образования, будучи субъектами гражданского права, сохраняют властные полномочия, но не пользуются ими в целях соблюдения принципа равенства участников гражданско-правовых отношений, необходимо, представляется нам, поддержать и признать совершенно обоснованным, как и вывод о том, что публично-правовое образование при его выступлении в гражданском обороте не является особой разновидностью юридического лица (юридическим лицом публичного права или публичным юридическим лицом – в зависимости от взглядов и терминологии). Однако трудно согласиться с автором в том, что публично-правовые образования не обладают полноценной правосубъект-

ностью и являются квазисубъектами (квазиюридическими лицами).

Вне всякого сомнения, законодатель предоставил таким образованиям вполне достаточный объем право- и дееспособности для выполнения тех функций публичной власти, которые реализуются путем наделения публично-правового образования статусом субъекта гражданского права. Применение же к ним норм, определяющих участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, если иное не вытекает из закона или особенностей публично-правовых образований (п. 2 ст. 124 ГК РФ), является не наделением этих субъектов частью признаков юридического лица (что ведет, по мнению ученого, к “квазисубъектности”), а широко распространенным приемом законодательной техники. К тому же под “квазисубъектными образованиями” в праве вообще, и в гражданском праве в частности, традиционно понимаются разновидности субъектов, в отношении которых законодатель на том или ином этапе развития правопорядка еще не сделал однозначного вывода о наличии у них статуса субъекта правоотношений¹⁵, – наличие же у государства гражданской правосубъектности не вызывает возражений.

Необходимо отметить, что вопросы, связанные с определением правового статуса публично-правовых образований как субъектов имущественных отношений, становились предметом внимания не только ученых-цивилистов, но и теоретиков права, и видных представителей отраслевых наук. В числе специальных теоретических исследований последних лет в этой области следует выделить работу С.И. Архипова “Субъект права: теоретическое исследование”¹⁶. В ней автор, исследуя проблему общей теории субъекта права, обращает особое внимание на правовой статус публично-правовых образований как субъектов имущественных отношений. При этом отмечается, что на общую теорию субъекта права оказывают большое влияние частнопрововые конструкции. “То, что на сегодня принято называть общей теорией субъекта права, по сути, есть заимствованные из цивилистической доктрины частнонаучные представления о субъекте гражданско-правовых отношений... конструкция частного лица – субъекта права предлагается всем отраслевым юридическим наукам в качестве общеправовой”¹⁷.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же. С. 20–21.

¹³ Там же. С. 32.

¹⁴ См.: Головизнин А. Некоторые вопросы участия в гражданском обороте органов государственной власти (местного самоуправления) // Хоз. и право. 1999. № 6. С. 62–63.

¹⁵ См. об этом: Любимов Ю.С. Квазисубъектное образование в гражданском праве // Правоведение. 2000. № 6. С. 102.

¹⁶ Архипов С.И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004.

¹⁷ Там же. С. 7.

С.И. Архипов признает, что понятия физического лица и юридического лица “изначально формировались как частноправовые”¹⁸, и одновременно отмечает, что в отраслевых юридических науках наметилась устойчивая тенденция к “созданию” своих собственных отраслевых субъектов права, “число этих субъектов множится, и если данный процесс получит свое логическое завершение, то каждая правовая роль будет признаваться самостоятельным субъектом права”¹⁹. Далее автор, указывая на субъект права как на “объединительное правовое начало”, обоснованно доказывает необходимость разработки полноценной общеправовой теории субъекта права и делает попытку многоаспектного подхода к исследованию субъекта права, предлагая рассматривать его с разных сторон, в частности в качестве лица (юридической внешности); правовой воли; совокупности правовых связей, отношений; правового сознания; правового деятеля и т. д.²⁰

Рассматривая отдельные виды субъектов права, С.И. Архипов совершенно логично выделяет в качестве субъекта наряду с гражданами и юридическими лицами также и государство – субъекта, обладающего целым рядом особенностей: “Для правового государства недопустимо противопоставление частного и публичного начала, для него общая правовая воля заключает в себе волю “частных” лиц, само оно как правовая корпорация должно существовать во имя этого единства, целостности. Отсюда всякие попытки осуществить в правовой корпорации идею разграничения права на две противоположаемые, с точки зрения принципов, методов регулирования, сферы (частноправовую и публично-правовую) и, соответственно, разделения правдееспособности государства на частноправовую и публично-правовую должны рассматриваться как покушения на саму правовую государственность, на ее идею”²¹. Однако далее идет заключение, с которым трудно согласиться: “Правовую личность государства не следует выводить за рамки понятия юридического лица, рассматривать государство как особую правовую форму (как это делается российским законодателем). *Напротив, целесообразно расширить рамки юридического лица, включив в них государство* (курсив наш. – В.Г.)”²².

В целом С.И. Архипов высказал плодотворную идею сочетания публичного и частного начал в

регулировании статуса государства в качестве основополагающей для определения государства как субъекта права и выделения его как особого субъекта правоотношений. Однако последующий вывод о месте государства как особого субъекта правоотношений не в числе субъектов права наряду с гражданами и юридическими лицами, а в числе особых юридических лиц представляется необоснованным, противоречащим логике самого автора. В частности, он отмечает: “Когда мы говорим о том, что государство – это правовая корпорация, то это не означает лишь оформленность, урегулированность всей государственной системы правом, но выражает сам дух, само понятие государства, это есть его содержательное определение как *особого субъекта права, отличного от всех правовых лиц* (курсив наш. – В.Г.)”²³.

Думается, признав это, необходимо обеспечить “правовое оформление” особенностей государства как субъекта гражданских правоотношений на уровне разновидностей именно субъектов, а не юридических лиц. Да и сам автор говорит о том, что “конструкция юридического лица уже давно используется как в рамках гражданского права, так и в рамках других отраслей права... но и для самого гражданского права возникает множество проблем, связанных с использованием данной конструкции... государство и муниципальные образования не совсем вписываются в эту конструкцию, и законодатель вынужден искать пути разрешения возникающих в этой связи противоречий”²⁴.

Еще одна точка зрения на правовую природу публично-правовых образований при их участии в гражданском обороте сформулирована В.Е. Чиркиным, который в своих работах последних лет несколько раз обращался к интересующей нас проблеме в контексте изучения понятия юридического лица публичного права²⁵.

С учетом высказываний ряда ученых, которые ранее отмечали, что понятия юридического лица и физического лица изначально формировались как частноправовые. В отраслевых науках имеет место тенденция к формированию собственных взглядов на субъекты. О верности этого наблюдения С.И. Архипова как раз и свидетельствует

²³ Там же. С. 461.

²⁴ Там же. С. 299.

²⁵ См. об этом: Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал рос. права. 2005. № 5. С. 16–26; *Его же*. Необходимо ли понятие юридического лица публичного права? // Гос. и право. 2006. № 5. С. 22–26; *Его же*. Еще раз о юридическом лице публичного права // Журнал рос. права. 2006. № 5. С. 94–105; *Его же*. Субъекты конституционного права в частноправовых отношениях // Журнал рос. права. 2007. № 2. С. 151–155.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 8.

²⁰ См.: там же. С. 11.

²¹ Там же. С. 466.

²² Там же. С. 465.

позиция В.Е. Чиркина, предлагающего ввести в законодательство понятие “юридическое лицо публичного права”.

Анализ взглядов В.Е. Чиркина вызывает неоднозначные оценки высказанных им идей в отношении как введения вышеназванного понятия, так и предлагаемого им перечня разновидностей юридических лиц публичного права. Ученый, впрочем, предвидел это и сам указывает, что “при общем понятии юридического лица публичного права необходима градация его разновидностей. Названные признаки нуждаются в тщательном обсуждении специалистов, в юридической доводке”²⁶. Очевиден вывод, к которому приходит В.Е. Чиркин: “Обусловлено усложнением общественной жизни появление таких организаций, которые не занимаются хозяйственной деятельностью или занимаются ею попутно, ради основных целей и к которым цивилистическое понятие юридического лица не совсем подходит”.

Понятно также наблюдение автора относительно того, что к государственным и муниципальным органам неприменимы критерий имущественной обособленности в том понимании, в каком об этом говорится в ст. 48 ГК РФ, а также “классические” требования, предъявляемые гражданским законодательством к юридическим лицам (устав, государственная регистрация, ответственность и др.), как и то, что “нормы ГК РФ не приспособлены для регулирования их деятельности”²⁷. Можно также согласиться с суждениями В.Е. Чиркина, что образования, которые он предлагает именовать “юридическими лицами публичного права”, обладают рядом особенностей.

Однако с многими содержащимися в цитируемых работах выводами согласиться трудно. На наш взгляд, все утверждения автора справедливы лишь в отношении государственных (включая органы субъектов Федерации) и муниципальных органов. Мнение о том, что к юридическим лицам публичного права (если признать необходимость введения в законодательство такой конструкции) наряду с государственными и муниципальными органами следует отнести “территориальные публичные коллективы (начиная от общества, представленного государством, и заканчивая самым мелким муниципальным образованием)”²⁸, представляется недопустимым, как

и утверждение, что “юридическим лицом гражданского права остается казна”²⁹.

Возможно, подобные высказывания обусловлены тем, что автор пытается изложить не систему взглядов на отдельную разновидность участника гражданских правоотношений, а основу теории юридического лица как субъекта права применительно к конституционному или административному праву. Однако, на наш взгляд, целесообразнее было бы анализировать статус субъектов конституционных или административных правоотношений, используя традиционную для данных отраслей терминологию (“субъект права”, “субъект правоотношений”), а не противопоставлять “юридическое лицо частного права” “юридическому лицу публичного права”. Вывод о необходимости существования общей теории субъекта права не должен строиться на искусственном терминологическом противопоставлении.

Использование термина “юридическое лицо публичного права” применительно к гражданскому законодательству, на наш взгляд, некорректно, поскольку практических оснований для введения в гражданский оборот такого классификационного признака, на основе которого юридических лиц в гражданском праве следовало бы разделить на две упомянутые большие группы, нет. Особенности тех или иных разновидностей юридических лиц, выполняющих публичные функции в гражданском обороте (государственных корпораций или тех же государственных органов), можно закрепить в специальных законах, что и делается законодателем в настоящий момент.

В связи с предпринятым нами исследованием научную ценность представляют труды известного ученого-государствоведа, академика О.Е. Кутафина, который в своих статьях и монографиях дает характеристику гражданско-правовому статусу субъектов конституционного права и формулирует самостоятельную систему взглядов на этот феномен³⁰. Воззрения, изложенные в работах О.Е. Кутафина, как нам представляется, содержат принципиально верные посылы, на основе которых может быть выстроено гражданско-правовое регулирование имущественных отношений с непосредственным участием государства. Следует

²⁶ Чиркин В.Е. Необходимо ли понятие юридического лица публичного права? С. 26.

²⁷ Там же. С. 22–24; *Его же*. Еще раз о юридическом лице публичного права. С. 94.

²⁸ Чиркин В.Е. Еще раз о юридическом лице публичного права. С. 101.

²⁹ Чиркин В.Е. Необходимо ли понятие юридического лица публичного права? С. 24.

³⁰ См. об этом: Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица; *Его же*. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права. С. 46–54.

особо отметить важность формулирования тождественных основополагающих подходов, определяющих порядок участия публично-правовых субъектов в частноправовых отношениях, для частного и публичного права.

О.Е. Кутафин справедливо указывает, что «важнейшей сферой деятельности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований служит хозяйственная деятельность – необходимый компонент развития экономики страны»³¹, в связи с чем публично-правовые образования становятся участниками гражданско-правовых отношений. Необходимость такого участия очевидна и обусловлена, как абсолютно верно отмечает автор, необходимостью решения тех или иных задач, вытекающих из публичных функций упомянутых субъектов. Это приводит к тому, что «конституционные правоотношения в определенных случаях, сферах и при соответствующих обстоятельствах не могут не сочетаться с гражданскими правоотношениями, которые дополняют их или являются иногда даже обязательным условием возникновения и развития»³².

Автор обоснованно отмечает, что в различных правовых системах гражданская правосубъектность государства и других публично-правовых образований оформляется по-разному. Он убедительно критикует при этом точку зрения того же Д.В. Пяткова, состоящую в том, что государство как публично-властная организация, наделенная функцией принуждения, участвовать в гражданских правоотношениях не способно, поскольку, как справедливо замечает автор, «какой бы способ действий ни был избран государством, какую бы функцию ни выполняло государство в каждом конкретном случае, оно всегда остается публично-властным субъектом, уполномоченным на легализованное насилие»³³.

О.Е. Кутафин приходит к ряду выводов, которые следует признать вполне доказательными, и на их основе сегодня может формироваться цивилистическая концепция участия публично-правовых образований в гражданском обороте, а также должно осуществляться законодательное регулирование этих отношений. Так, автор отмечает: «Действующий Гражданский кодекс устанавливает, что публично-правовые образования

наряду с гражданами и юридическими лицами являются субъектами гражданского права (ст. 2 ГК РФ), и их правосубъектность аналогична правосубъектности юридических лиц (ст. 2 ГК РФ), а их органы осуществляют их права (ст. 125 ГК РФ)»³⁴. В то же время ученый справедливо отмечает, что, «признавая публично-правовые образования субъектами гражданского права, нельзя не учитывать особенности их статуса»³⁵ и что «действующее законодательство Российской Федерации считает государство, государственные и муниципальные образования самостоятельными, причем особыми субъектами права (*jus generis*), существующими наряду с юридическими и физическими лицами»³⁶.

Далее, критикуя концепцию Д.В. Пяткова о «публично-властной организации» и не соглашаясь с мнением о том, что государство при его участии в гражданском обороте следует признать юридическим лицом публичного права, О.Е. Кутафин делает принципиально важные выводы о правовой природе государства как участника гражданских правоотношений: «публично-правовые образования не являются юридическими лицами»; «особый статус публично-правовых образований, с точки зрения его практического использования, вполне оправдан»³⁷.

Говоря о характере гражданской правоспособности государства, О.Е. Кутафин соглашается с С.Н. Братусем, который считал, что, вступая в гражданско-правовые отношения, государство добровольно ограничивает свой иммунитет, оставаясь при этом организацией, наделенной публично-властными функциями, каковые она способна проявлять в других областях. В связи с этим он подчеркивает: «При характеристике правоспособности и дееспособности публично-правовых образований следует подчеркнуть, что они отличаются от юридических лиц прежде всего тем, что не созданы специально для участия в гражданско-правовых отношениях. Оно носит для них вспомогательный по отношению к основной деятельности, хотя и вынужденный характер»³⁸.

При этом О.Е. Кутафин последовательно обращает особое внимание на то обстоятельство, что

³¹ Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица. С. 3.

³² Там же.

³³ Пятков Д.В. Указ. соч. С. 24.

³⁴ Кутафин О.Е. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права. С. 47.

³⁵ Там же. С. 49.

³⁶ Там же. С. 47, 50–51.

³⁷ Там же. С. 68.

³⁸ Советское гражданское право. Субъекты гражданского права. М., 1984. С. 26.

“выбор формы проявления такой правосубъектности для конкретных правоотношений происходит не по усмотрению самого государства, а зависит от существа правоотношений, в которые вступает государство”, и отмечает, что, “признавая публично-правовые образования субъектами гражданского права, необходимо обеспечить такое их участие в гражданско-правовых отношениях, которое в полной мере позволило бы соблюсти интересы всех участников имущественного оборота как юридически равных субъектов, находящихся... в частнопрововых отношениях друг с другом”³⁹. С этим трудно не согласиться.

Признавая обоснованность выводов О.Е. Кутафина о правовой природе государства как участника гражданского оборота “с позиций конституционного права”⁴⁰, необходимо заметить, что сформулированный в общем виде академиком О.Е. Кутафиным подход нуждается в развитии, уточнении и комментариях применительно к сфере именно гражданско-правового регулирования. В частности, самое принципиальное уточнение состоит в том, что автор, полагая, вероятно, свои выводы достаточно очевидными для цивилистов, не всегда четко и однозначно определяет место государства и муниципальных образований среди субъектов гражданского права.

Так, О.Е. Кутафин, во-первых, подробно обосновал основополагающий для формирования цивилистических воззрений вывод о том, что гражданской правоспособностью обладают именно субъекты конституционного права, которые в случае их участия в гражданском обороте ограничивают свой иммунитет в целях обеспечения равенства участников. Во-вторых, он сделал заключение о том, что при участии публично-правовых образований в гражданском обороте гражданской правосубъектностью наделяются именно эти образования – субъекты конституционного права. Однако, на наш взгляд, им было уделено недостаточно внимания еще одному принципиальному тезису: государство является не разновидностью, пусть даже особой, юридического лица (юридическим лицом публичного права), а представляет собой особый субъект гражданских правоотношений наряду с гражданами и юридическими лицами. Применение же к нему, к его правам и обязанностям при участии в гражданском обороте

правил о юридических лицах – не более как прием законодательной техники, ни в коей мере не влияющий на его частнопрововую сущность.

Полагаю, столь же неоправданна была бы, например, попытка установления общей правовой природы юридического лица и индивидуального предпринимателя, к действиям которого в силу положений п. 3 ст. 23 ГК РФ также применяются правила, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона или существа правоотношения. Конструкция “приравненные к ним (юридическим лицам. – В.Г.) лица” используется в законодательстве, но законодатель, как представляется, употребляет ее не как легально закрепленный способ указания на особенности правовой природы публично-правовых образований, а исключительно в качестве приема законодательной техники.

Исходя из вышеизложенного, авторское видение правовой природы Российской Федерации, выступающей в качестве субъекта гражданских правоотношений, сводится к следующим позициям. Так, реализация практически всех внутренних и части внешних публичных функций влечет необходимость использования властью гражданско-правовых средств, что предопределяет необходимость участия Российской Федерации в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, в качестве гражданско-правового субъекта на равных началах с другими его участниками.

Российская Федерация и другие публично-правовые образования в гражданском обороте выступают равноправными участниками имущественных отношений. В то же время законодатель, распространяя на Российскую Федерацию действие норм, которые определяют участие юридических лиц в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, указывает на возможность установления иных правил в случае, если иное будет следовать из закона, или же вследствие особенностей данных субъектов (п. 2 ст. 124 ГК РФ), признавая ее тем самым особой разновидностью субъектов.

Попытки ряда ученых доказать, что Российская Федерация как публично-правовая организация не является субъектом гражданского права, сопряженные с тезисом о том, что при участии государства в гражданском обороте возникает еще одно лицо – “одноименные хозяйственно-публичные организации” (Д.В. Пятков), не основаны, по нашему мнению, на положениях действующего законодательства и не отражают исторических

³⁹ Кутафин О.Е. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права. С. 47, 51, 54.

⁴⁰ Кутафин О.Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица. С. 3.

закономерностей в развитии учения о субъектах частнопровых отношений. В этом случае не происходит искусственного раздвоения правосубъектности. Публично-правовые образования в данной ситуации не пользуются властными (административно-командными) полномочиями в отношении других участников имущественного оборота, а выступают на началах равенства с остальными субъектами гражданского права (ст. 1 ГК РФ), однако не утрачивают при этом признаков субъекта публичного права, т. е. являются носителем одновременно нескольких видов правосубъектности: в частности, и конституционной, и гражданско-правовой.

Полагаю, есть все основания утверждать, что Российская Федерация и другие публично-правовые образования при их выступлении в гражданском обороте являются полноценными субъектами гражданского права. Представляется неточным с точки зрения науки гражданского права утверждение, что законодатель наделяет публично-правовые образования лишь некоторыми признаками юридического лица, а это свидетельствует об их “квазисубъектности” (Ю.Н. Андреев) либо указывает на них как на “приравненных” к юридическим лицам, что также приводит к выводу о некой производности их гражданско-правового статуса (О.Е. Кутафин). Пункт 2 ст. 124 ГК РФ решает исключительно “технический” вопрос применения законодательства во избежание ненужного дублирования норм и широко используется законодателем в других случаях.

Законодатель наделил Российскую Федерацию объемом право- и дееспособности, достаточным для выполнения всех функций публичной власти, которые реализуются путем участия ее в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, от собственного имени с соответствующим признанием за ней статуса субъекта гражданского права. Российская Федерация и другие публично-правовые образования, являясь полноценными субъектами отношений, образуют самостоятельную разновидность субъектов гражданского

права наряду с гражданами и юридическими лицами. Предпринимаемые в юридической литературе попытки охарактеризовать их как разновидность юридического лица, в частности как “юридическое лицо публичного права” (А.П. Гринкевич, В.Е. Чиркин), обладающее известными особенностями правового статуса, не вытекают из норм действующего законодательства и не учитывают исторических закономерностей развития учения о субъектах гражданского права.

Понимание государства как самостоятельной разновидности гражданско-правового субъекта, не являющегося юридическим лицом, в полной мере отвечает исторически обусловленным тенденциям развития отечественного законодательства и цивилистики. Формирование современного подхода к классификации субъектов гражданского права диктует необходимость использовать для обозначения всей разновидности субъектов гражданского права в качестве родового понятие “юридическая личность”, обозначающее свойство общности или физического лица выступать в гражданском обороте в качестве субъекта, т.е. более общее понятие, определяющее одинаковую возможность того или иного феномена (а не только юридического лица) быть признанным правопорядком в качестве субъекта права. Для обозначения конкретных разновидностей субъектов гражданских правоотношений, соответственно, должны использоваться термины “физическое лицо”, “юридическое лицо”, “государство (иные публично-правовые образования)”.

И наконец, Российская Федерация, признав для себя необходимость в целях реализации той или иной публичной функции выступить в качестве частнопрового субъекта, должна полностью отказаться от иммунитета публичной власти и обеспечить равенство прочих участников гражданского оборота в возникающих отношениях, что может осуществляться через комплекс соответствующих правовых гарантий с учетом конституционного установления о правовом характере Российского государства и обеспечение верховенства закона.